

А.А. Сычев

УДК 179

Трансформация «класса интеллектуалов»

Аннотация. В статье предлагается рассматривать кризисные процессы, затрагивающие современного профессора, в общем контексте социальных трансформаций, происходящих с классом интеллектуалов. В теории Д.Белла предполагается, что в постиндустриальном обществе доминирующим станет интеллектуальный класс, объединяющий обладателей высокой квалификации: преподавателей, инженеров, ученых. Однако в реальности статус работников умственного труда в новых условиях снижается, а в различных областях социальной жизни наблюдаются процессы деинтеллектуализации. Популистские идеи получают больше признания, чем меритократические. В массовой культуре ученые противопоставляются политикам как оторванные от жизни теоретики практикам, обладающим житейским опытом. При этом предполагается, что ученые нуждаются в контроле со стороны политиков. В ходе установления контроля политико-экономической элиты над интеллектуальным классом ценности научного этоса объявляются устаревшими, академические свободы сворачиваются, а университеты трансформируются в бизнес-корпорации или бюрократические государственные структуры. Автор показывает, что обладание группы ценным ресурсом не предполагает ее доминирования. Напротив, господствующая элита будет прилагать все усилия, чтобы установить над ним контроль и лишит суверенности его носителей. В этом контексте повышение ценности интеллектуальных ресурсов вполне может привести к ситуации, когда те, кто в индустриальном обществе находился на положении свободного художника или независимого ученого, в постиндустриальном обществе обнаружат себя в ситуации представителя эксплуатируемой группы. В статье делается вывод, что в сложившейся ситуации возможны два варианта развития событий: либо дальнейшая деинтеллектуализация общества, либо консолидация интеллектуального класса, предполагающая осознание им собственных целей и интересов.

Ключевые слова: класс интеллектуалов, профессорство, университет, этос, меритократия, постиндустриальное общество, эксплуатация, доминирование, деинтеллектуализация, консолидация.

Перспективы интеллектуального класса

Трансформации, которые сегодня происходят с профессорством, можно рассматривать в общем контексте социальных изменений, происходящих с классом интеллектуалов. Основатель теории постиндустриального общества Дэниел Белл причислял к этому классу высококвалифицированных работников умственного труда, которые должны заполнить позиции, ранее занимаемые буржуазией:

«если в предыдущем столетии господствующими фигурами были предприниматели, бизнесмены и промышленные руководители, то “новыми людьми” оказываются ученые, математики, экономисты и создатели новой интеллектуальной технологии» [1, 463].

Основываясь на статистических данных, Белл отмечал, что наиболее значительную по численности группу класса интеллектуалов составляют преподаватели учебных заведений, вторую – инженеры и научно-технические работники, за которыми следуют ученые. Отмечая увеличение численности представителей всех этих профессиональных групп, Белл указывал, что самые быстрые темпы роста наблюдаются в группе ученых, т.е. по мере постиндустриального развития они оказываются наиболее востребованными профессионалами. В этом контексте можно предположить, что профессура как наиболее квалифицированная часть и научного, и преподавательского сообщества должна занять ключевую позицию в складывающейся социальной структуре.

Пространством, в котором происходит становление и профессиональная самореализация подавляющего большинства представителей класса интеллектуалов, Белл считает институт высшего образования. «Необходимой основой формирования любого нового класса является наличие независимой институциональной базы, находящейся за пределами прежнего доминирующего порядка. Для ученых такой базой является университет» [1, 315]. Нормативной основой для образа жизни интеллектуального класса и, в итоге, тем центром, вокруг которого кристаллизуется ценностная система всего постиндустриального общества, становится академический этос университета. Над истинными учеными не довлеют требования экономической полезности и эффективности, а ценностная основа его поведения задается императивами, характерными для науки – универсализмом, незаинтересованностью, коммунизмом и организованным скептицизмом [4, 770]. В отличие от предпринимательских структур, ориентированных на полезность и эффективность, и отличающихся высокой степенью организационной иерархичности и бюрократичности, университеты декларируют высокую социальную миссию науки и образования, идеалы поиска объективной истины и передачи знания как призвания. Принятые в университете нормы взаимодействия поощряют независимый образ мышления, демократизм, либеральный стиль поведения. Университет в этом смысле является своеобразной попыткой воспроизвести древнегреческий полис времени расцвета, где ценность теории превосходила любые практические ценности, а условием всякого творческого действия была полная свобода деятеля от каких-либо прикладных целей.

Основными ресурсами, позволяющими достичь высокого положения в обществе знаний, становятся интеллектуальный потенциал, образование и высокая квалификация, а не напористость и готовность рисковать (востребованные в индустриальном обществе) и не обстоятельства рождения (особенно важные для общества традиционного типа). Поэтому постиндустриальное общество, согласно Беллу, с необходимостью должно эволюционировать в меритократию – такую форму социальной организации, при которой руководящее положение занимают наиболее способные люди: «Меритократия в том смысле, в каком я употребляю это понятие, делает упор на личностные результаты и заработанный статус, подтверждаемые высшими авторитетами в данной области» [1, 612-613]. Общество знаний впервые в истории должно сформировать реальные предпосылки и необходимые условия для воплощения в жизнь платоновской идеи об интеллектуалах, стоящих во главе государства.

Таким образом, теория рисует картину постиндустриального общества, в котором доминирующее положение занимает класс интеллектуалов. Особое положение новой элиты в сравнении с положением других крупных социальных групп в истории, определяется рядом специфических факторов. Высокая заработная плата (которая является даже не целью, а побочным результатом интеллектуального самосовершенствования) обеспечивает представителю нового класса высокую степень независимости. Его востребованность позволяет ему оперативно менять место работы при несогласии с условиям труда, т.е. быть чрезвычайно мобильным, избегая таким образом иерархических зависимостей (как экономических, так и политических). Кроме того, работник умственного труда, как правило, не отчужден от средств производства (каковыми сегодня все чаще выступают компьютерная техника и программное обеспечение). Благодаря таким особенностям класс интеллектуалов, «ставший воплощением развивающейся на наших глазах информационной революции, обретает реальный контроль над процессом общественного производства и перераспределяет в свою пользу все большую часть общественно-го достояния» [3, 76].

С начала формирования теоретических представлений о месте интеллектуального класса в постиндустриальном обществе прошло почти полвека. Многие идеи Белла и его последователей о ключевой роли технологии, информации, знаний, образования на новом этапе социального развития прошли испытание временем и доказали свою справедливость. Однако вытекающий из них тезис о том, что в постиндустриальном обществе интеллектуалы должны приобрести господствующее положение, пока далек от подтверждения.

Деинтеллектуализация общества

Хотя значение умственного труда в новых условиях действительно возрастает, социальный статус его работников не повышается, а в различных областях общественной жизни (прежде всего, в политике, образовании, искусстве) наблюдаются очевидные тенденции к деинтеллектуализации.

Одним из её признаков является распространение позиции, согласно которой практическая смыслённость простого человека для успеха в социальной жизни важнее, чем теории интеллектуалов, оторванные от жизни. Ученые в массовой культуре все чаще изображаются как девианты и социопаты, абсолютно не приспособленные к практической жизни. Предполагается, что им необходима опека и руководство со стороны людей, обладающих житейским опытом и здравым смыслом. Соответственно, образу ученого-теоретика противопоставляется образ успешного практика – менеджера и политика.

В современной культуре повсеместно торжествует популизм, успешно пресекающий любое реальное продвижение идей меритократии. Власть формируется, скорее, по анти-меритократическому признаку. Общее падение интеллектуального уровня общества ведет к тому, что более высокие рейтинги получают те политики, которые в своей риторике воспроизводят мнения малообразованных масс. Отличительными чертами поведения не только мелких чиновников, но и политиков высшего уровня становятся малокультурность и безграмотность. Вполне обычны ситуации, когда наукой руководят люди без опыта реальной научной деятельности, а во главе руководящих государственных структур – люди, не имеющие даже образования, соответствующего профилю их деятельности. В ходе усиления контроля политико-экономической элиты над интеллектуальным классом ценности научного этоса объявляются устаревшими, академические свободы сворачиваются, а университеты трансформируются в бизнес-корпорации или бюрократические государственные структуры. Дж. Серль пишет, что «антиинтеллектуализм и враждебность по отношению к университету как институту» становятся наиболее существенными чертами активистской политической культуры современности [6, 49]. Идеал «ученого у власти» воспринимается как одно из устаревших представлений, характерных для Античности и Просвещения.

Возможно, эти тенденции представляют лишь временные отступления от пути магистрального развития и не способны изменить общей позитивной направленности истории. Однако их наличие – достаточный повод для пересмотра тех тезисов теории постиндустриального общества, которые позволили сделать вывод о неизбеж-

ности достижения доминирующего положения в нем интеллектуального класса.

Хотя теория постиндустриального общества и претендует на то, чтобы описать принципиально новый этап развития цивилизации, приходящий на смену Новому времени, сама трактовка этого этапа вначале не выходит за рамки мыслительных схем уходящей эпохи. Одна из фоновых идей Нового времени – уверенность в том, что история имеет цель, задающую вектор поступательного движения общества от варварства к разуму, от незнания к истине. Социальный прогресс предполагает устройство общества на рациональных основах, а его движущей силой являются наука и образование, персонализированные в образах выдающихся ученых и просветителей. Идеи Белла об интеллектуальной меритократии в этом контексте принципиально не отличаются от представлений Ф.Бэкона о мудрецах «дома Соломона» или О.Конта о философах-позитивистах, которым следует делегировать духовную власть в обществе. Однако уже сама идея о том, что история имеет цель и внутреннюю логику, как убедительно показывает К.Поппер, достаточно сомнительна [5, 4]. В историцизме любого рода всегда отражаются не объективные законы развития, а ценностные предпочтения теоретика и фоновые установки его эпохи, которые заставляют приписывать истории ту или иную цель (торжество церкви, коммунизм, ноосферное будущее и т.д.). Дальнейшее развитие событий, как правило, не ведет к реализации этих идей, а лишь выявляет их утопический характер.

О целях истории, их характере можно спорить, но все же нельзя отрицать, что у социального развития есть определенные тенденции. Ценность знаний, информации, образования в обществе действительно стремительно растет, и в этом смысле вполне правомерным будет предположение о том, что преимущество в постиндустриальном обществе должны иметь те, кто обладают наиболее важным ресурсом – знанием, то есть представители класса интеллектуалов. Однако история постоянно демонстрирует, что обладание важным ресурсом совсем не обязательно сопрягается с господством. Если бы это было так, то господствующие позиции в традиционном обществе занимали бы обладатели мускульной силы, а в индустриальном обществе – люди, обладающие навыками работы на станке. Физическая сила или трудовые навыки, конечно, дают определенные преимущества, но они, как правило, позволяют лишь занять более выгодное положение в ряду эксплуатируемых. Иными словами, обладание каким-либо важным ресурсом обозначает, прежде всего, то, что господствующая элита будет прилагать все усилия, чтобы установить над ним контроль, лишив суверенности его носителей. В этом

контексте повышение ценности интеллектуальных ресурсов вполне может привести к ситуации, когда те, кто в индустриальном обществе находился на положении свободного художника или независимого ученого, в обществе постиндустриальном обнаружат себя в ситуации эксплуатируемых. Знания, образование, квалификация интеллектуального класса в этом смысле могут интерпретироваться в качестве не инструментов обретения власти, а только средств, позволяющих дороже продать властям свои услуги. Усилия большинства интеллектуалов сегодня не направлены на познание мира, а активно прилагаются к задачам получения прибыли для корпорации, обслуживания потребностей государства, сохранения существующей элиты у власти и т.д.

Интеллектуалы обладают мобильностью, высокой степенью финансовой независимости и достаточным потенциалом, чтобы оказывать влияние на массы. В этом смысле они представляются выведенными из отношений эксплуатации. Однако даже если высокие заработки и расширяют пространство их свободы, это не разрушает общей логики господства и подчинения. Исторические тенденции демонстрируют общую направленность к смягчению эксплуатации: качество жизни и уровень свободы у крестьянина были выше, чем у раба, а у рабочего – выше, чем у крестьянина. Однако фактически эксплуатация на каждом новом этапе не уменьшается, а лишь становится более завуалированной и изощренной. Высокая заработная плата и возможность сменить работу – один из способов замаскировать продолжающуюся эксплуатацию и смягчить возможные противоречия. Хотя интеллектуалы и обладают потенциальной властью, фактически они используют ее не в интересах своего класса, а обслуживают потребности государства и рынка.

Пьер Бурдьё утверждает: «Интеллектуалы это подчинённая часть доминирующего класса. Будучи доминирующими в качестве обладателей власти и привилегиями, которые даёт владение культурным капиталом и даже, по меньшей мере, для некоторых из них, владение культурным капиталом в объёме, достаточном для осуществления власти над культурным капиталом, писатели и артисты являются подчинёнными в своих отношениях с обладателями политической и экономической власти. Во избежание какого-либо недоразумения, должен уточнить, что это господство не осуществляется теперь, в отличие от прежних времён, только через личные отношения (как между художником и заказчиком или писателем и меценатом), но принимает вид структурного господства, осуществляющегося через такие очень общие механизмы, как рынок» [2, 215].

Подчиненное положение класса интеллектуалов как нельзя лучше демонстрирует ситуация с профессурой – группой, которая, судя по предположениям Белла, обладает достаточным ресурсным потенциалом, чтобы в условиях постиндустриального общества претендовать на место элиты господствующего класса.

Кризис этоса профессорства

Современный кризис этоса профессорства как системы ценностей и особого образа жизни можно рассматривать одним из следствий процесса подчинения интеллектуального класса политической и экономической власти. Как показывает современная российская действительность, эффективность этого процесса обеспечивается хорошо известными приемами дисциплинирования, облегчающими управление действиями большого количества людей.

Университет в своей классической (гумбольдтовской) модели характеризовался достаточно высокой степенью академической свободы. Даже если университет фактически был государственной организацией или частным заведением, государство и рынок не могли прямо предписывать направления исследований или оценивать значимость их результатов: преподаватели и ученые решали эти вопросы самостоятельно и автономно, руководствуясь внутринаучными соображениями, интересами сообщества и собственными представлениями об общественных потребностях. Сегодня степень давления государства и рынка на университет беспрецедентна. Перед академическим сообществом ставятся задачи получения коммерческой прибыли или обслуживания национальных нужд в их государственном понимании. Предполагается, что у профессуры не может быть никаких собственных целей, и все исследования должны вестись только в заранее запланированном русле «приоритетных направлений развития». Можно спорить о том, должна ли наука обслуживать общество и зарабатывать деньги, но нельзя не признавать, что в ситуации обслуживания внешних целей, свободный научный поиск, а значит и нормальное развитие науки – становятся невозможными.

В эпоху Модерна образование и наука рассматривались как общественное благо само по себе, сегодня же они не более чем инструменты достижения общего блага. Университету вменяется в обязанность зарабатывать средства и готовить национальные кадры, а государство и бизнес получают почти неограниченное право регулировать этот процесс и контролировать его эффективность. Хотя управляющий наукой и образованием слой в какой-то степени и рекрутируется из активистов академического сообщества, но многие современные его представители (не исключая ректоров и министерских

работников) не обладают опытом исследований и авторитетом в науке. Этот слой в современных условиях все больше противопоставляется академическому сообществу, поскольку не выражает интересов и потребностей последнего. Он ориентирован не столько на сохранение кадрового потенциала и развитие науки, сколько на формальное выполнение указаний и распоряжений.

Сложная задача, согласно условиям которой некоторая группа, не обязательно самых интеллектуальных людей, должна управлять кадрами высокой квалификации, решается по алгоритмам, обозначенным Стэнфордским экспериментом. Для облегчения управления преподавателям активно навязывается подчиненная модель поведения. Ее успешно формируют постоянные административные проверки выполнения формальных норм, контроль поминутного соответствия занятий планам, видеофиксация действия преподавателей, тестирование знания профессурой своих предметов и т.д. Многие из подобных мер закономерно воспринимаются унижительными, поскольку подспудно предполагают отношение к преподавателю как к реальному или потенциальному нарушителю, которого нужно постоянно сдерживать и направлять.

Реальный заработок преподавателя снижается параллельно с увеличением объема возлагаемой на него работы. Широко распространяется система краткосрочных контрактов, позволяющая держать преподавателей под постоянной угрозой увольнения и фактически превращающая их в одну из самых социально незащищенных групп населения. В зоне риска при этом оказываются не только формально неэффективные, но и неугодные или нелояльные к администрации работники. Преподавателей ставят в ситуацию постоянной конкуренции за рабочие места, разрушая тем самым чувство общности и атмосферу академического сотрудничества. В итоге снижаются социальный статус преподавателя, престиж его деятельности, самоуважение, уверенность в социальной значимости своей деятельности.

Как любая бизнес-корпорация или государственный институт, университет становится бюрократической структурой, перед которой ставятся плановые задачи и от которой требуют отчетности о выполнении. При этом планам и отчетам (по характеру которых судят об эффективности системы) придается больше значения, чем реальным исследованиям (научную ценность которых административным работникам сложно оценить). Оценка преподавания сводится к сверке соответствия пунктов учебных программ рекомендациям, а научное признание заменяется формальными квалиметрическими показателями, по определению не способными дать адекватной оценки деятельности ученого. Демократическое самоуправление упраздняется,

сменяясь управлением, основанным на иерархичности и формальных правилах. Информация в виде распоряжений передается сверху вниз, не предполагая обратной связи и последующей корректировки. Ученые отстранены от центра принятия решений и не имеют никакого влияния на систему управления. Они становятся исполнителями частных задач, порой не имея не только влияния на общие приоритеты, но и представления о них.

Все, происходящее сегодня с преподавателями (как, впрочем, и с многими другими представителями интеллектуального класса), можно считать следствием процесса дисциплинирования, которое достигается искусственным понижением социального статуса преподавателей и извлечением выгод из подчиненного положения, в котором они оказались. При этом речь идет не столько о конкретных межличностных отношениях, сколько о формировании институциональной системы подавления, заданной логикой борьбы за перераспределение ресурсов информационного характера.

Заключение

В публичном дискурсе слова «наука» и «просвещение» больше не обладают сакральным ореолом и сами по себе не считаются ценностями. Идеология разума и прогресса, ранее поддерживавшая высокий статус интеллектуалов, сменилась на «эвристику страха». Наука все чаще признается одной из сил, прямо или косвенно способствовавших появлению многих глобальных проблем современности: от использования в войнах оружия массового поражения – до экологического кризиса. Академическое сообщество все реже выступает в защиту науки, поскольку оно стремительно теряет свою независимость, а университет становится пространством предоставления коммерческих услуг и инструментом обслуживания национальных и властных интересов. Слова о *высокой* социальной миссии науки и университета самими преподавателями воспринимаются как пафосная риторика, не несущая смысловой нагрузки.

В защиту интересов интеллектуального класса в этих условиях может выступить только он сам, но у него нет реального влияния на определяющие его жизнь решения, осознания себя как единой общности, внятной идеологии, четко сформулированных целей деятельности, даже самого понимания интересов.

Снижение социального статуса интеллектуального класса не может не вызвать массовой деинтеллектуализации общества: прекращения свободного научного поиска, снижения качества образования, отказа молодежи связывать свою жизнь с преподаванием и наукой. В сложившейся ситуации возможны два варианта развития со-

бытий: либо дальнейшая деинтеллектуализация общества, либо консолидация интеллектуального класса.

Список литературы

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. *Бурдьё П.* Поле интеллектуальной деятельности как особый мир // Начала. Сборник текстов. М.: Socio-Logos, 1994. С.208-221.
3. *Иноземцев В.Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социс. № 6, 2000. С. 67-77.
4. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
5. *Поппер К.* Нищета историцизма. М.: Прогресс 1993. 188 с.
6. *Searle J.* The Campus War: A Sympathetic Look at the University in Agony. N.Y.: World Pub. Co. 1971, 242 p.